

Пора (время-бытие). Лекция VII (31.10.1995). Часть 2.

Время *кажется* и *должно* казаться всегда разным, потому что оно сама граница, ее присутствие, а граница такая, что она только одна и *именно поэтому*, что одна, как та черта на доске, делает разным. И та остановка движения, покой, который будет заряжен как вызывающее, не только во время Иисуса Навина или когда остановятся луна и солнце, а *всегда снова в каждый момент настоящего есть неуловимый покой*, который нельзя, я так скажу, остановить: *покой нельзя остановить*, он именно как покой *вызывающий*, — вызывает движение. — Это Аристотель, и тут вроде бы всё ясно. Отчасти мы к этому уже подбирались, когда догадались, что время выброшено мгновенной встречей со — как во сне — *всей* величиной события мира.

И всё-таки, всё-таки. Читаем. «Время прекратится? Нет, если движение существует вечно»^{1*}. Как же так, ведь вроде бы для времени нужен счет, и душа. А тут — достаточно движения, вот этого, вечного, т.е. которое умеет переступать через пороги покоя или вернее которое постоянно через покой прикасается к *энергии* (мы говорили в курсе «Энергия» об «энергии покоя», покой и есть собирание энергии как пружина). А где, еще раз спрашиваю, считающий, отмеряющий, душа, сознание.

На месте сознания вдруг явная дыра, провал, как та у Августина, где он вроде бы постоянно говорил о своем духе, его аффектах, дающих счет времени, и вдруг словно забыл об этом и отнес время прямо к вещам, так что переводчики заштопывают его текст и восстанавливают непротиворечивость Августина и относят время всё-таки везде только к душе и ее аффектам. Чтобы не упустить перевертывания движения в покой, поможет продолжать пользоваться нашим словом «сдвиг», сдвигом ведь можно назвать и прекращение движения, даже в целом космосе: возможен и такой мировой сдвиг. Сдвигом можно назвать и что-то сумасшедшее, сводящее с ума, как переворот движения в покой или перевертывание времени или его ход в обоих направлениях, ἐπ' ἄμφω.

Остался сдвиг, допускающий остановку движения и поворот времени, куда девались считающий и число. Как же будет время без цивилизации, когда никто не будет считать и записывать и мерить. Вот вам Аристотель непоследовательный, то говорил о числе движения, то о мере движения *и* покоя, то просто о движении. Неужели ему действительно достаточно одного сдвига? Или был бы сдвиг, а кто к нему попытается примериться и считать, найдется? В том смысле как Ольга Александровна Седакова говорит, что мы все сами с нашей историей поворотами Солнца и созданы?

Тут мы можем или даже поневоле должны вернуться к тому, как узнается граница и настоящее как граница.

Она узнается не напряжением мысли, как думает Флоренский, а тем что она сама по себе «знатная», узнаваемость, γνώσιον. Как говорил

---

^{1*} Там же.

Анатолий Валерьянович Ахутин в пятницу 27 октября в РГГУ, пустое пространство перед мыслящей точкой, эта сцена на которой появляются объекты, это позднее европейское изобретение. Для греческих глаз не надо сначала никакой готовой сцены, достаточно чистого эйдоса хотя бы и на фоне тьмы, потому что эйдос и есть вид, явленность, самоусматриваемая явность. Но глаза кроме этого вида должны быть чтобы его видеть? или это как павлин распускает свой хвост и на этом красивом хвосте который для того чтобы его видеть *уже и есть* готовые глаза? Аристотелевское $\gamma\nu\acute{\omega}\rho\iota\sigma\upsilon\nu$, настоящее как граница и граница настоящего, она узнаваемая, знаемая для кого-то, кто должен наблюдать, или она как хвост павлина «знатная» просто так, сама по себе, так что держит сама при себе и свое узнавание тоже. Да, скорее так. *Настоящее* просто стоит себе посреди как самоузнаваемая граница, и вокруг него уж как-нибудь как могут и как сумеют образуются *прежде и после* и их мера и их измерение, — а вовсе не так что сначала мы опознали что прежде и что после и потом положили между ними границу: нет, ясна эта граница, выступающее само узнаваемое настоящее, всё остальное образуется и под вопросом, и ироническое Брехта «блюда форму, содержание подтянется» на самом деле не такое уж ироническое; «форма», так на латынь переводится греческое «эйдос», *форма* красота, явление, вид, указ, — красота в том смысле как наше «красный» в смысле красивый т.е. звонкий, славный переходит на красный цвет как такой же, яркий. Я скажу: была бы граница, страна найдется. Мы и по событиям последнего времени ясно видим, что не страна создает границу, а граница страну: достаточно провести границу внутри одной страны, и будет две или больше. — И в какую сторону от границы настоящего будет «простирается», как хорошо сказано в русском переводе Карпова, время, это тоже вовсе не так ясно как граница. Мы не знаем. Это уж как получится. Может и в одну и в другую и в обе сразу.

Как будет с душой, если время простирается в другую сторону и будет то что было при Гомере и раньше Гомера, когда не было сознания и может быть не было души? Было то, что заряжено счетом времени, «вызывающее» просто и вызывающее счет времени, но не надо было дожидаться санкции, считающее пришло как-то тогда уже само собой, как в Евангелии сказано, что «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму», и когда была нехватка людей, то Девкалион и Пирра бросали камни *за спину*, т.е. *туда где они не могли видеть и стало быть сознавать*, и там из камней образовывались люди. Люди возможно дело кажливое. Может быть человек просто и есть то что умеет считать; во всяком случае определение *человек есть умеющее считать* Аристотель хоть и не принимает, но оно стоит у него рядом с определением тела как имеющего три измерения, совсем не абсурдным. Во всяком случае человек не ценен сам по себе, он то ли очень хорош то ли наоборот хуже всех и хуже всего, всё зависит от того, закона и суда он держится или нет (Политика I 2, 1253 a31)^{2*}. Человек не самое лучшее из всего в мире, человека много божественнее по природе другие вещи, взять хотя бы наиболее зримое — звезды, из которых состоит небо. Ах «звезды» здесь добавлено переводчиком! «Небо» у Аристотеля стоит (Этика 1141 a34 b2)

---

^{2*} См.: Аристотель. Сочинения..., т. 4, с. 379 сл.

«космос», мир^{3*}. «Самое видное» — φανερώτατα. И это не обязательно звезды, хотя для примера и Аристотель может сказать в другом месте что звезды. Это может быть и те ворота, о которых мы читаем в космосе у Парменида. Что-то есть явное еще явственнее чем звезды: если уже и у Парменида речь идет не о метеорологии, а о том к чему подбирается современная математическая физика, говоря о мировых константах, то почему и не у Аристотеля. — Самое видное тогда невидимое! и в тяге к нему возникают глаза, по той же автоматике, по какой хвост павлина имеет глаза уже в себе самом.

Теперь мы вроде бы в общем прочитали базовый трактат Аристотеля о времени, вокруг «аспектов» (меняющихся постоянно) до сих пор идут все и самые новейшие соображения о времени, и эта база нам тоже всегда понадобится в нашей погоне за «пора». Но теперь еще уточнение двух моментов, два собственно чуть расширенных повтора. Самое «знаемое», «видное», «явное» во времени это настоящее, так что о времени мы знаем не больше чем о настоящем и время есть собственно «теперь». Отсюда фраза, которая иначе шокировала бы, в последней гл. 14: «Если настоящие (τὰ νῦν) во времени, то и *первое* и *последнее* во времени будут; потому что в чем настоящее, [в том] и отстояние (ἀπόστασις) от настоящего» Здесь ясно сказано о чем мы уже догадывались: вовсе не «раньше и после» усматриваются на готовой оси времени, они вообще принадлежат встрече с величиной, с величиим, которая сама из себя имеет свою историю. *Если* настоящее во времени — надо понимать так, что *если* настоящее как «наиболее знаемое» мы будем кроме того считать еще временем и считать как время, то от настоящего будут — как мы говорили от границы — «отпадения», апостасии, в обе стороны, или лучше сказать обязательно в *противоположные* стороны, потому что граница появляясь излучает из себя сразу *противоположность*: где граница, т.е. транс-ценденция, вставляется, вдвигается — а она уже всегда и вдвинута — в открытость, там она разбрасывает от себя (как Флоренский говорит о человеке стоящем то есть падающем в противоположные стороны) полярные противоположности; и вот *если* мы согласились что настоящее это время, то и то что отпало от настоящего, от настоящего *времени*, и от *настоящего* времени, тоже наверное будет временем? Когда нет души считающей, то ее только и нет, считающей души; а всё для времени, или как переводит Карпов, *субстрат* времени, — уже готово. Так что с появлением мерящей души ничего не прибавляется и даже ничего собственно не меняется. — Странно не то, что до души всё что есть в душе уже было, а странно было бы другое: что был бы мир и его закон и правда и софия и автоматика Софии, а души бы не было, с какой стати. Здесь у Аристотеля в неувечном виде то, к чему наука подбирается в «антропном принципе», который имеет разные формулировки, и такую: всё должно было быть с самого начала таким, чтобы появился человек.

И еще одно. Опять же уже смотрели, как Аристотель сравнивает настоящее с лошадьё: она в каждом изгибе шеи и шерстинке особенная, но именно уникальная характеристика делает ее *единицей*, т.е. пригодной для счета. — А если время будет другое и такое же непохожее на

---

^{3*} См. там же, с. 179.

теперешнее как собака на лошадь? Аристотель подает ниточку, чтобы понять о чем он думает: одно время вращение, солнечное и лунное и звездное, φορά, но ведь возможно время допустим и как изменение, ἀλλοίωσις, как у Августина Солнце и Луна могут остановиться, но время будет идти, смотря по изменению на поле битвы между справедливыми и несправедливыми.

Время станет другое? конечно. Но оно ведь и так другое, всегда каждое «настоящее» разное! только теперь оно другое как одна лошадь и другая лошадь, так что для невнимательных глаз все лошади равны; когда вместо лошадей пойдут собаки, тогда и совсем невнимательные глаза скажут: о, что-то изменилось, то шли лошади, а потом пойдут собаки. Но таким надо сказать: раньше надо было глаза открывать. Лошадь на лошадь в каком-то существенном смысле была *так же* непохожа, как лошадь на собаку, в смысле *абсолютной* неповторимости: шанс что из жеребенка вырастет *точно* такая во всём лошадь, как была, не больше чем из щенка. *Но именно поэтому счет времени в каком-то смысле не должен измениться.* Семь лошадей (пример Аристотеля, невольно думаешь о семи днях недели) — это те же точно *семь*, что и в семи собаках. Т.е. или откажитесь или с самого начала считать время, или если уж начали, то не прекращайте. — Как всё философское, это положение и безусловно, т.е. всегда верно, и относится ко всем. И к нам. Несчастливая привычка начинать счет заново, с крещения Руси, с династии Романовых, с революции, с «преодоления культа личности», довела до того что кто-то всерьез считал бы что с основания нашего государства 3 годика 2 месяца, мы дети-дошкольники. Мы имеем право заметить, что годы пошли другие, собачьи, но это не основание прекращать старый счет лошадей и начинать совсем новый счет собак. Семь лошадей конечно не то что семь собак, но как число «тождественно, ибо число одних не отличается... различны предметы, к которым она (десятка) относится: в одном случае это собаки, в другом — лошади».

«И о времени и самом по себе и о том что вовне него ему домашнее при всматривании сказано»^{4*}.

В другом смысле к Аристотелю возвращаться придется снова. Он фундамент, за пределом которого не висит никакая часть постройки мысли движущейся вокруг времени. Едва ли продуктивно воображать будто мы можем построить другой фундамент. Зато обнаруживать новые возможности этого — для поднятия новых этажей — возможно; с нами такое случалось и еще случится на раз.

Parerga

Солнце привлечено для счета времени примерно так же, как часы с кукушкой, — просто Солнце гениальное изобретение, природные часы, надежные, и достаточно точные: древнее изобретение надежнее чем многие современные; по существу то же, что календарь с пейзажами времен года, только широко и в натуре.

---

^{4*} Ср. там же, т. 3, с. 159.

Или другой счет времени по лунам. — Мифологическая система времени в этом смысле просто — допустим по подвигам героев, по годам тотемов или вождей племен — наложила другую свою сетку на событие мира, просто другую чем цивилизации с арифметически-астрономической ориентацией. Предшествование схватывания целого одинаково там и здесь.

Интересно тогда происхождение осевого и «исторического» времени. Это время, в котором из-за введения бесконечной сетки, арифметической, счета времени, стало труднее понять, а почему мы это не знаем, что делалось в те доисторические тысячелетия, они ведь тоже были такие же как эти. Смелый ответ креационистов: тех тысячелетий просто не было. Были только вот эти шесть, исторического времени. — Да хоть бы они и были. На любое число лет наш охват их всех «вместе» всё равно простирается, достаёт. — Я боюсь, что креационизм происходит от испуга. Представим землю Ксенофана, бесконечную, т.е. ее толща нигде не кончается, соответственно и во времени тоже не имеет начала и конца. Тогда схватывает страх, что же это мы делаем господа, для такого чудовища никакого нашего счета времени заведомо не хватит, *для того что приснилось Ксенофану наше исчисление времени по тысячелетиям и миллионам лет не годится*, мы оказываемся в слишком странном, жутком и неподъемном пейзаже. Нужно какое-то другое. И креационизм в панике перед этой перспективой для защиты привычного счета времени вводит божественное творение всего-всего, и времени тоже, столько-то лет назад. Это тоже по существу кому-то ясно что головокружительная перспектива, но тут хоть всегда можно сослаться на то, что только мы не знаем как всё случилось, а Бог знает, и причастным ко всему его знанию быть трудно или невозможно, но вот по крайней мере прямо идущим от Бога счетом времени удобным, которое можно внести в компьютер, мы располагаем.

Что наш счет времени всё-таки не так прямо нам вручен от Бога и что он никак не единственный и никак не окончательный, это, скажем, у Августина: когда солнце было остановлено на небе, счет времени не прекратился, он стал привязан к битве. Для Августина вполне возможно привязать счет времени к не солнцу уже или луне, а к схватке добра со злом, и, скажем, для Иоахима Флорского по сути то же; и в победе новой системы времени, уже не арифметически-астрономической, а, — тут мы вправе фантазировать чтобы отряхнуть наваждение якобы «естественности» и «единственности» нашего счета, — скажем, привязанной к мировым константам. Уже и теперь счет времени не сказать что чисто астрономически-арифметический, он всё больше становится привязан к технике, но легко думать и о привязке другой после обертывания техники.

<фрагмент семинара>

<...> Мой тезис (О.А. Седаковой): мы созданы движением неба. Об этом по-своему, связывая человеческие дела с круговоротом, Аристотель: «Каждая вещь исчисляется родственной ей единицей: монады — монадой, лошади — лошастью... и время измеряется каким-нибудь определенным временем, причем... и время измеряется движением, и

движение временем... И если первое есть мера всего сородственного, то κυκλοφορία ἢ ὀμαλής (223 b 19) есть мера по преимуществу, так как число его наиболее доступно [для определения] (γνωριμώτατος). Ни перемена, ни рост, ни рождение не равномерны (ровны, ὀμαλεῖς), а таково только φορά. Оттого и время кажется (δοκεῖ) ἢ τῆς σφαιρᾶς κίνησις, что этим движением измеряются прочие движения, и время измеряется им же. Отсюда и обычная поговорка (=древняя мудрость): человеческие дела называют круговоротом и переносят это название на всё прочее, чему присуще природное движение, возникновение и гибель. И это потому, что всё перечисленное оценивается временем и приходит к концу и к началу, как бы определенным образом чередуясь, ибо и само время кажется каким-то кругом... потому что оно мера подобного движения и само им измеряется... Называть совершающееся в мире круговоротом — значит... что существует какой-то круг времени, — и это потому, что время измеряется круговращением: *ведь измеренное не обнаруживает ничего другого кроме меры, разве только в целом несколько мер*» (223–224).